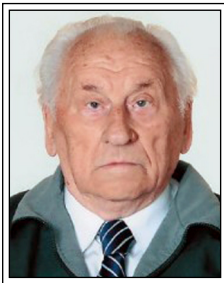

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Пётр СИМУШ

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры.
Институт философии Российской академии наук.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1;
e-mail: simush@inbox.ru

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ – 1917: ПОИСК «ЕДИНОГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ»

Концепция, «подсказанная» автору Велимиром Хлебниковым, рассматривает Великую российскую революцию как «равенство миров» и «единство людей и вещей». Эти сравнения гения охарактеризованы В. Хлебниковым как «единый знаменатель». Революционная событийность поднялась на свои вершины: избрание Патриарха РПЦ и депутатов-законодателей. Всенародная коммуникативная революция, которая десятилетиями подготовлялась борьбой за освобождение России от «немотного» состояния, включает в себя четыре фазы революции, которые составляют единое целое – общенациональную революцию. Её актуальность – предмет предлагаемого исследования.

Выбирая методологическую позицию, автор взял ориентиры в поэтике Серебряного века. Применено тетрадное филологическое проектирование через призму истории, философии, религии и политики.

Искание «единого знаменателя» революционной событийности привело к феномену человечности и принципу гуманизма. Революцию 1917-го можно определить прилагательными – цивилизационная и гуманистическая. «На расстоянии» века «большое видится» в консолидации страны ради окончания войны. Державный переворот в начале 1918 г. завершается.

Ключевые слова: «немотная Россия», «дважды» революционный Ноябрь, Собор, Патриарх, субъектность Учредительного собрания, цивилизационная революция, медианность, гуманизм

«Прощай, немотная Россия...» Здравствуй, информационная...

Вмоих предыдущих публикациях реализована возможность правильно процитировать лермонтовские строки. В них не говорилось о «немотной России». «Страна рабов, страна господ» вынуждена была быть «немотной» вплоть до Февральской революции, которая удалила «мундиры голубые» и сделала свободным «им преданный народ». Освобождённые от самодержавия с его «Ходынккой» и «Кровавым воскресеньем», россияне пожелали стать «единством людей», что реально доказали всенародные и свободные выборы в Ноябре. Условия для этого вырабатывал Февраль, «Когда погребают эпоху». В следующей строке у Анны Ахматовой сказано: «Надгробный псалом не звучит». Она видела в настоящем и грядущем «созревшее минувшее». В мае 1917 г. Марина Цветаева сумела понять суть: «Свершается страшная спевка, – / Обедня ещё впереди! – / Свобода! – Гуляющая девка / На шалой солдатской груди!».

Нельзя не удивляться также прозрению Константина Бальмонта, который считал, что люди, живущие на рубеже двух периодов – одного законченного и другого ещё не зародившегося – мыслят и чувствуют по-другому: развенчивают всё старое, потому что оно изжило себя и потеряло смысл. 1 января 1917 г. Марина Цветаева призналась: «Я мечтаю о тебе, смерть...».

Столетие революции показывает, что самодержавный режим тогда уже разрушался, чего нельзя сказать о принципе монархизма. Персонализм верховной власти в России 2017-го очевидно усиливается. Возвращаясь к творчеству К. Бальмонта, можно найти в нём самое главное: «Слава жизни. Есть прорывы злого, / Долгие страницы слепоты. / Но нельзя отречься от родного, / Светишь мне, Россия, только ты». Подобные патриотические взгляды разделяли А. Блок, А. Белый и С. Есенин. Им чужды были «крайность против крайности» и «гениальность против убожества» (слова Николая Врангеля).

Безбрежная свобода слова, митингов и собраний позволяла развиваться стране по пути гласности, демократизации и гуманизации. Россия прощается со своей исторической «немотой». Однако россияне не услышали призыв Андрея Белого: «Нужно готовиться к неожиданностям». Неожиданным явился большевистский Октябрь, названный его организаторами «великим» и «социалистическим». Столетие спустя мы убеждаемся в правоте фразы Л.Л. Кобылинского (псевдоним Эллис): «Но жизни шум, как режущий свисток... смывает всё, уносит, как поток».

Всё святое и великое непременно возникает и растёт из исторического взаимодействия добра и зла. Нужные слова для понимания происходящего находит С. Есенин, обладающий трезвостью религиозного созерцания, которое сочетается с реализмом. Поэтому гениальному поэту

удалось начать новую эпоху. А поэтам-атеистам этого дуализма не хватало. Образ страны виделся ими как в густом тумане. «Нищей России» Блок желал: «Пускай заманит и обманет, – / Не пропадёшь, не сгинешь ты, / И лишь забота затуманит / Твои прекрасные черты».

Классики стремились творить информационную жизнь, быть её деятелями. Они инстинктивно желали в воображении жить в бурной смене явлений, действий, слов. Делать неведомую действительность – не поле перейти. Революционность была исключительно сложной, многосторонней и запутанной. «Единый знаменатель» в ней был неизвестен. Он требовал перехода через границу империи к народному «монархизму».

Нужна ли была Октябрьская революция?

Меня интересует вопрос: ради чего надо было быть Октябрю? Историк констатирует уже случившееся и придерживается догмы, что история не имеет сослагательного наклонения. И действительно, складываются исторические ситуации, когда обострение классово-политического конфликта не оставляет места для промежуточных решений. Ленин осознаёт дилемму, которая в июле означала: «либо поворот к контрреволюции, либо якобинство», то есть революционная диктатура. Она означала бы конец «мирного развития революции». Во взглядах заодно с Лениным решительно выступал Троцкий; они выработали предложение о необходимости вооружённого восстания. Выдвигая вновь лозунг «Вся власть Советам!», ленинцы взяли власть силой вооружённого мятежа.

Рассматривая российские события с позиции историка, Исаак Дайгер справедливо заметил: большинство лидеров большевизма чересчур оптимистично расценивали перспективы международной ситуации, а меньшинство чересчур пессимистично смотрело на перспективы внутриполитического развития. Оппонируя ему, Ленин писал: «Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции». В России, по мысли Сталина, её победа «опирается на Европу».

Крайним радикалам понадобилось всего лишь два знаменитых дня, чтобы свергнуть правительство Керенского. Впоследствии эти дни многократно будут воспроизведены в воспоминаниях главных действующих персон, в рассказах, романах, пьесах и кинофильмах. Ленинское воззвание сообщало о «низложении Временного правительства».

В конце Октября Марина Цветаева услышала «Рёв солдат. – Рёв волн...», увидела, как в кровавом потоке «пляшет луна» и опустел «Царский памятник вчерашний». Плохо стало «сильным и богатым, / Тяжко барскому плечу».

В Семнадцатом году в муках рождается российская нация в преддверии страшной угрозы распада страны. По всей России проводятся выборы в Учредительное собрание. Эти выборы, по справедливому заме-

чанию Питирима Сорокина, были «ответом страны на большевистскую революцию...». Сторонники Ленина делали всё, что в их силах, чтобы помешать выборам [7, с. 100]. Октябрь стал историческим фактом.

О всероссийском вердикте весь мир узнал в декабре: большевики потерпели явное поражение. Однако они считали, что вооружённый захват ими власти должен был быть признанным законным Учредительным собранием. Но оно этого не могло сделать, поскольку выражало национальный интерес всей России, а не классовую цель пролетариата. Ради неё 6(19) января 1918 г. большевики совершили разгон высшего законодательного органа республики.

Большевистскому Октябрю предстояло состояться, чтобы начать осуществлять цели вождя не только российского радикального переворота, но и лидера «грядущей» всемирной революции. Не стало власти «помазанника Божьего», и, заполняя образовавшийся вакуум, В.И. Ленин стал говорить и действовать по библейскому образцу, провозглашая: «Да будет так». Филолог, изучающий революционные высказывания Ленина, может почувствовать, каким образом человек связывается с тайными силами мира. Ленинский мистицизм был не только опытным и реальным, но также прорицательным, деятельным и оперативным. Он нашёл себе опору в фактах жизни и деятельности обожаемого Карла Маркса. Вот кто был в глазах атеиста Ленина всемогущим богом, творцом самого верного учения. Оно позволяло практиковать кредо о «Великой Октябрьской социалистической революции». Признаюсь, что от его властного внушения освободиться почти невозможно. Почему же?

Работая над кандидатской диссертацией, посвящённой диалектической логике Ленина, я воспринял излучение его глубочайшего ума. Тонкие лучи исходили не только от великой революции, но и от содержания всех томов (55) ленинского наследия. Оно претендует на интерес от филологии, которая ставит в центр всего саму личность творца. Всем известен, конечно, Творец с большой буквы. У меня нет основания отрицать причастие всех российских революций полноте всего сакрального Творения.

Исследовать Творца стремился Ф.М. Достоевский. Его интересовал образ земного главного творца-преобразователя, действующего в духе православия. С идеями Христа живёт и народ. Понимать Россию, по Достоевскому, значит признавать её как «организм, живой и могучий, организм народа, слиянного со своим царём воедино» [2, с. 464].

Силу «идеи царя» чувствовал не только Достоевский, но и претендент на главенство в России В.И. Ленин. Он служил страдающему народу, который ждал для себя царя-отца. Используя сейчас лексику «Дневника писателя», приведу из него глубокую мысль: «Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его...». «Живую связь народа с царём» начал практиковать Ленин. Злободнев-

ные мысли Достоевского по поводу идеи монархии можно повторять и нужно вновь воспроизводить. Без персоноцентризма верховной власти Россия не может возвышать своё достоинство.

От филологов можно ожидать предложения политикам о замене прилагательного к Октябрю. Не он, а Январь 1918 года, после кончины Учредительного собрания, вправе был претендовать на прилагательное «коммунистический» («социалистический») к слову «переворот». Поскольку в октябре 1917 года произошла не социалистическая, а пацифистская революция под лозунгом «Мир». Образ идеи мира, созданный Александром III Миротворцем, дорисовал вождь Октября В.И. Ленин. Он оказался в ситуации, когда социальные силы зрели под ударом исторического молота, жёстко долбящего Россию. Кто мог знать, когда прекратятся эти гигантские испытания?

Решительно отвергая Бога, амбициознейший вождь В.И. Ленин, по словам Фёдора Степуна, «принялся за созидание коммунистического общества» с масштабностью, сравнимой «разве только с сотворением мира, как оно рассказано в книге Бытия» [8, с. 456]. Ленин был конкретным реалистом, и атеисты, разумеется, не задумываются о глубоком религиозном смысле русских революций.

Живое чутьё столетнего юбилея революции, воззрения классиков литературы подсказывает нам то, что в основании всего видимого есть элементы невидимые, сакральные. Их могли узреть Сергей Есенин и Андрей Белый, а в январе 18-го и Александр Блок. Не учитывать элемент невидимый, мистический «в практических расчётах – значит рисковать ошибочностью всех расчётов» (слова И.А. Бунина).

Ошибочный разгон «Учредилки» и Гражданская война подвергли испытанию монументальность большевистской идеи в духе Библии. В год медианного поиска слова Ленина и адекватные им лозунги и плакаты выглядели лаконично и ярко; они действовали весьма эффективно. Продолжения войны люди не хотели. Но мира Ленин не дал. Страшной явью стала Гражданская война. Известно, как история двадцатых годов «проверила» призывы «Земля – крестьянам!» и «Фабрики – рабочим!». На деле землю и фабрики отобрали и национализировали. Пушкин ещё раз напомнил: «Слова, слова, слова...». Но иные права и свободы граждан востребованы постсоветской цивилизацией. Позади остаются «лихие» 90-е годы. XXI век приглашает нас серьёзно и непредубеждённо задуматься над уроками исторической развилки – 1917. В её начале было произнесено последнее слово императора о Родине в его исповеди.

Филология может позволить себе разумное молчание о шагах царского правительства к «чёрному дню» и «катастрофе», к этим пророческим словам юного М.Ю. Лермонтова («Предвидение», 1830 г.). О «Цусиме», «Ходынке», «Кровавом воскресенье» написано огромное количество страниц. Из них уместно упомянуть следующие высказывания. Омри Ронен в книге «Берберова (1901–2001)» писал: «Была эпоха возобновлённых

исторических дискуссий, а Нина Берберова не могла жить без политики, и разговор, не в первый раз, зашёл у нас с ней о расстрелянном императоре. “Ходынка, Цусима, девятое января, 14-й год, и всё-таки никто не заслужил той смерти, которой умер он, с сыном на руках!” – сказал я. “Он заслужил! Он заслужил свою смерть! Десять таких смертей!”».

Демьян Бедный не без иронии воскликнул: «Греми, моя лира! / Я гимны слагаю / Апостолу мира, / Царю Николаю!».

Четверостишие советского поэта Николая Тряпкина было посвящено расстрелянному императору: «А после – хлопцы-косари / С таким усердьем размахнулись, / Что все кровавые цари / В своих гробах перевернулись».

О трагизме царизма Владимир Маяковский сказал: «Здесь кедр топором перетроган, / Зарубки у самой коры. / У самого корня дорога, / И в ней император зарыт».

Будучи западником, Николай II во главу угла всё-таки поставил словосочетание «благо родины». Оно, будто темпоральный стержень, пронизало русские слова 17-го. Ибо они культивировались всеми этносами России – Родины. Опуская детали революционной стихии, не могу не признаться в своей ненависти к ксенофобии и в почитании истории русской революции, которую нам «Бог послал» (два слова у Пушкина). Ибо Россия и всенародная революция были такой же реальностью, как война и двоевластие. Надо ли считать революцию преступлением отцов и дедов перед детьми и внуками? Мой отец – большевик, являлся также революционером, но я не желаю быть судьёй над ленинцами. Их можно характеризовать как исполнителей справедливой расплаты за смертный грех зачинателей войны. Трезвый взгляд на великую годину 1917 требует следовать совету Спинозы: не плакать, не смеяться, не проклинать, а понимать. Желая понять прошлое, я не восторгаюсь революцией, так как придерживаюсь взглядов писателя А.И. Эртеля. Он в своих «Письмах» разделял жизненные явления на два рода: первые не зависят от нашей воли, а зависят исключительно от воли того великого неизвестного, которое люди называют Богом. Поэтому полагаю, что к такому явлению, как революция, надо относиться «с безусловной покорностью». Ибо она учитывает требование Логоса. Угадав его, Борис Пастернак, который был вместе с революцией, сказал: «Время существует для человека, а не человек для времени».

Вершинная церковная словесность патриарха Тихона

Более трёхсот лет назад Пётр I вынужден был приостановить преемственность в Русской Церкви. В 1700 г. умер патриарх Андриан, который не сочувственно относился к петровским реформам. Опасаясь проти-

водействия переменам со стороны нового патриарха, царь не назначил ему сразу преемника. В 1721 г. царь осуществляет задуманную им церковную реформу и совершенно уничтожает патриаршество. Взамен ему был учреждён Священный синод, которому надлежало управлять церковными делами. Начался пятый период истории русской церкви, когда по стране широко распространяется православие. Законом 1879 г. была отменена замкнутость духовенства. В конце XIX в. оно было освобождено от личных податей, телесных наказаний и воинской повинности. Церковные корпорации получили права юридических лиц, которые стали вести акты гражданского состояния. Казна давала им денежные пособия. Под влиянием РПЦ формируется духовный строй общества, ослабляя силу атомизирующих тенденций в нём. Зла в человеке предостаточно, и его «центр» греховности всегда в действии.

Это довольно красноречиво проявилось в годину между временами: до 17-го года и после него. Государство осталось без высшей власти. Без восстановления персонцентризма в РПЦ можно было лишить русский народ исторической перспективы и духовно-культурной самобытности.

Мудрая русская словесность стала звучать в многомесячных прениях во время Всероссийского Собора. В Храме Христа Спасителя трёхмесячная русская речь ввела судьбоносное слово «Выбор». Патриархом Всея Руси после 200-летнего перерыва стал святитель Тихон. Это древнегреческое имя переводится как «судьба», «случай», «фортуна». С ноября 1917 г., когда в России было восстановлено патриаршество, судьба Василия Белавина оказалась непомерно тяжёлой долей: возглавить разрушаемую атеистическими радикалами Русскую Церковь. Они объявили войну христианству. Окончание 17-го стало началом массовых гонений, ссылок и расстрелов верующих. Большевики считали, что всё зависит от их воли и что никакого невидимого элемента не существует.

Восстановленное патриаршество является подлинной революцией, поскольку произошла коренная перемена во власти, в духовно-церковной жизни. Церковная революция как ответ на петровскую реформу, отменившую патриаршество, должна была стать и действительно стала противовесом «воинствующему материализму». Протест ленинцев против идеализма, их борьба с религией с точки зрения Откровения были бесцельными и неверными. Они могли только ослабить бунтующих большевиков. Находясь полвека в их рядах, я, доктор философии, не оценил должным образом источник величайших опаснейших заблуждений. И лишь однажды, выступая перед профессурой в МГУ, осмелился предложить в рамках «Литературной газеты» создание оппозиционного официозу органа. Его задача – познавать целый ряд неизвестных. Почти все слушатели – учёные – оказались солидарно мыслящими личностями. Однако даже отсюда до самого верха власти дошёл донос.

Бросая взгляд назад, искренне восхищаюсь предстоятелем РПЦ. Первосвятитель Тихон постоянно находился под давлением со стороны властной верхушки, которая неуклонно пыталась заставить его идти на поводу радикального режима. Власть изолировала Патриарха и ускорила его кончину.

Я с большим интересом прочитываю выходящие тома со словесностью Всероссийского Поместного Собора (1917–1918). Эта дискуссионная словесность – поистине вершинная в революционном преображении России. Она отважилась создать русское Писание по примеру еврейской Библии, даёт свет сознающему себя разуму.

Разумным делом стал «Всероссийский поместный собор». Его созыв был необходим, так как большевики заглушали «ростки желанной свободы» и сеяли «хищения, грабежи, разбои, насилие».

Торжественное открытие Собора состоялось 15 августа в Москве. Осенью Собор обсудил вопрос о высшем церковном управлении, не выдвигая на первый план религиозные проблемы в общественной жизни. Хотя, согласно данным обследования библиотек, крестьяне менее всего брали книги религиозного содержания (их доля не достигала 6% из всех прочитанных книг). В глухих уездах сельчане брали из библиотек больше всего книг Толстого, Гоголя, Пушкина.

Революция 5 ноября 1917 года восстановила власть избираемого патриарха РПЦ. Патриарх Тихон явил собою великий духовный и человеческий подвиг, который позволяет именовать его святителем и Божиим избранником. В самой церковной среде «левые» считали, что восстановление патриаршества будет означать небывалую диктатуру в Церкви и разрушение соборности. «Правые» указывали на историческое явление, когда патриаршество однажды вызвало раскол в Церкви. Филологов может заинтересовать та лавина словес – Contra патриаршества. Разобраться в этой словесной лавине Pro et Contra – особая задача, которую усложняет разбор прений на заседаниях Собора. Каждый день их мог стать последним.

Исследователь подвижничества Тихона М.И. Вострышев утверждает: «Избранник понял, что ему и всей Церкви предстоит вступить на путь мученичества» [1, с. 34]. Этот вывод подтверждает сравнение, высказанное самим владыкой. Он подобен свитку, на котором написаны три слова: плач, стон, горе. При посещении соборной палаты 22 ноября патриарх сказал, что мы должны искать не своей выгоды, не почёта, не честолюбия, а иметь в виду пользу и благо Церкви. Это благо создается общей работой всех и общим сотрудничеством [9, с. 65].

Патриарх Тихон чувствовал, что революция приблизилась к своему концу. Он возвестил всех двумя Посланиями. В них содержатся гениальные прозрения:

– о 17-й године гнева Божия в жизни Родины, терзаемой изури- тельной войной и гибельной смутой – духовной, государственной и общественной;

– об ослаблении веры и неистовствующем безбожном духе революции;
– о начале строительства русского государства без Бога, которое осуждается Церковью [9, с. 66–72].

Любопытно, что характерные черты «чистого клерикализма» охарактеризовал воинствующий атеист В.И. Ленин. Он отмечал: «Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного».

В стихотворении «Корнилов» Марина Цветаева призывала: «Бейте, попы, в набат. – Нечего есть. – Честь. Не терять ни дня!».

Коренную мысль о свободе Церкви Христовой отстаивал её глава – борец за свободу духовного творчества. Образно говоря, Патриарх Тихон кончил свою жизнь на костре безбожия. Думаю, что как христианин он не проклял, а простил убийц священников. Большевики ложно понимали народно-национальные интересы, тогда как Патриарх жил верой в двуединство истины Христа и свободы человека.

Со святой верой в Учредительное собрание, которое установит правду и справедливость, россияне в ноябре шли на выборы своей многолетней мечты. Конечно же, общей оценки значения исторических выборов у россиян быть не может, но у нас может и должна быть общая память об этом величайшем событии в отечественной истории. Поэтом сказано: «Ты, память, муз вскормившая, свята, / Тебя зову, но не вспоминанья». В словесности двух российских форумов имеется глубокое содержание, в котором многое не уничтожено революцией. Ибо во главу угла она ставит творчество.

Лица... «Большое видится на расстоянье»

В 1917-м происходит рождение нового мировоззрения грядущего общества. Поэт Сергей Есенин обещает россиянам «...град Инонию, / Где живёт Божество живых». И революционная Россия являлась страной, где в крови, муках и страданиях появляются ростки неведомого ещё социального строя. «О Родина, / Моё русское поле, / И вы, сыновья её... / Хвалите Бога!». Абсолютное большинство людей не слышали сакральной благой вести. Но русский поэт, который породнился с женским еврейством, услышал и увидел очистительную грозу и бурю: «Свет за горами...». Сергей Есенин от всей души приветствует Великую Российскую революцию, которая родилась «В мужичьих яслях», а не в «дворцовом перевороте», не на малороссийском «майдане», который заказал и оплатил миллиардер Михаил Терещенко.

Есениана позволяет точнее объяснить мировую войну и революцию, отношение к ним крестьян. Она увековечивает память об умерших, которые «чуют живых», о бойцах, навеки связанных общей трагедией. Напряжённым раздумьем о смысле молчания мёртвых Есенин постиг, «Что мир мне не монашья схима», а революционная стихия. «Прозревшие

вежды», закрываемые не одной лишь смертью, видели двойственность Ноября – церковный Собор и избираемую высшую власть. В письме к А.Б. Кусикову (от 07.02.23 г.) С.А. Есенин обозначил свою принадлежность к Ноябрю. Ранее он назвал разогнанное Учредительное собрание «Жалкой учредилкой». Высказать своё одобрение избранному Патриарху Тихону осмотрительный Есенин, разумеется, не мог. «Тётка» (ОГПУ) карала церковников беспощадно. Мне предстоит напомнить об удивительном церковном настрое Сергея Есенина.

Я вновь и вновь вчитываюсь в есенинский «Певущий зов» и своим умом не постигаю, как мог осуществиться приём гением космической информации. Она подсказала ему требование о том, что преобразования в стране должны совершаться не ненавистью, а любовью, не безбожием, а верою, не крайностями, а мерою. Между тем уже в 1918 г. страну «Междоусобный рвёт раздор». Религиозные и национальные начала определяли взгляд Есенина на Россию как серединную (медианную) страну. Вслед за Д.И. Менделеевым поэт становился изоморфом «срединного царства». Ему было подсказано Откровением требование служить срединной революции. В одном есенинском посвящении Н. Клюеву он назван «середним братом», и во всех русских сказках, особо в «Коньке-горбунке», Есениным виделось «значение среднего» [3, с. 99–100]. Следует «заимствовать» у Есенина естественные, матричные основания гражданственности и патриотичности. В 1916 г. в поэме «Голубень» поэт рисует картины «голубого поля», «сини во взорах», «дремлющей Руси». Поэт тянется к теплу, вдыхает мягкость хлеба, несёт «Иные в сердце радости и боли». Наступивший новый 1917-й в есенинском взоре предстаёт как «Ночь и поле, и крик петухов... / С золотой тучки глядит Саваоф». В следующей природной картине «...край дождей и непогоды...». Поэт слышит «Колокольчик серебрянный», и на его «золотых ресницах» «Свет от розовой иконы». Ему «не нужен вздох могилы», поскольку «Слову с тайной не обняться». А вот сохранилась лишь одна есенинская строка: «Белые скользкие тропы...».

Когда началась Февральская революция, солдат Сергей Есенин находился в Петрограде; ему позволительно было выставить себя даже революционером. Он написал стихотворение «Разбуди меня завтра рано...», которое явилось его первым откликом на Февраль. Есенин встретил «дорогого гостя» в образе Христа. Родную мать он попросил засветить «в нашей горнице свет».

В революционной лирике Есенина удивительным образом соединяется естественное основание патриотичности как природного чувства с его нравственным значением. Главное в нём – служение Родине и Отечеству, обязанности перед ними. Будучи социально обязанным, человек поднимается к Абсолюту.

Поэтому С. Есенин и любил А. Блока, видя в нём «Глубокое чувство родины». В есенинском понимании оно «самое главное, без этого нет поэзии» [5, с. 410]. Поэт не знал, разумеется, что так думал и гражданин Н.А. Романов.

В есенинской душе главный долг благодарности к роду и родителям расширился в своём объёме, но он не изменил своего существа, а стал главной обязанностью перед Родиной.

Революционный март 17-го. На Марсовом поле в Петрограде состоялись похороны жертв революции. Опубликована есенинская поэма «Товарищ»: «И пал, сражённый пулей, / Младенец Иисус... / Тело Его предали погребенью: / Он лежит / На Марсовом / Поле».

Есенин начинает сотрудничать в эсеровских газетах: «Дело народа», «Знамя труда», «Знамя борьбы», «Голос трудового крестьянства», «Земля и воля», «Наш путь», «Знамя». В названиях прессы – ключевые понятия эсерства. После сближения с последним последовал поворот: после октября поэт, по словам В.Ф. Ходасевича, «повернулся лицом к большевистским Советам». Есенину было безразлично, откуда пойдёт революция, сверху или снизу. После раскола партии эсеров Есенин оказался в рядах «левых», у которых было «больше горячего материала». В революции Есенин видел пролог «гораздо более значительных событий», которые расчистят путь мужику. Он взывал его «К тёплому свету, на отчий порог...».

Проблема народной свободы более всего волновала молодого поэта. «Чуть ли не шестнадцати лет» он задумал замечательную «вещь» – поэму «Марфа Посадница». Это раннее сочинение Сергей Есенин прочитал в апреле 1917 г. Вступительное слово председательствующего называлось: «Свобода и запрет». Чувство восторга не покидает Сергея Есенина. Поэт работает, пишет, выступает на митингах. В апреле он пишет поэму «Певущий зов» и публикует её в газете «Дело народа».

Находясь «грозовым летом» в селе, С. Есенин видел: «Деревня бродит, как молодая брага». Самого поэта в годы войны и революции «судьба... толкала из стороны в сторону». Он исколесил Россию «вдоль и поперёк». В августе, когда в Москве работал всероссийский Собор, прозвучал призыв Есенина: «О Русь, взмахни крылами...».

В.С. Чернявский вспоминал: в личности Сергея Есенина произошла «большая перемена. Он казался мужественнее, выпрямленнее, взволнованно-серьёзнее» [5, с. 216–217]. Было заметно, что «сквозняк революции» освободил «в нём новые энергии».

Во 2-й половине 17-го появился роман Андрея Белого «Котик Летаев». На него Есенин откликнулся статьёй «Отчее слово». Это двусловие можно отнести к поэзии Есенина в революционный период, в частности к его поэмам «Октоих» и «Отчарь», к стихотворению «О родина!». Россия востребовала русскую классику, насыщенную пафосом устремлённости к народу, любви к нему, готовности слиться с началами народности и православия. И классика становится революцией.

Октябрь 25–27. Октябрьский переворот. Власть Советов. На их сторону переходил Есенин, но Октябрь, по его словам, «принимал по-своему, с крестьянским уклоном» [4, с. 20]. Поэзия А. Блока, А. Белого, М. Цветаевой плыла на волне революции.

Почему же «двоилось» понятие «революции»? Этот вопрос разъяснил публицист и историк Н.В. Устрялов (1890–1937). К трёхлетию со дня смерти С.А. Есенина он опубликовал в харбинской газете «Новости жизни» (06.05.1929) статью «Есенин». Идеолог «национал-большевизма» поставил вопрос «Принял ли Есенин революцию?» и стал отвечать: «Тут, прежде всего, нужно уяснить понятие “революции”. Оно двои́тся. Революция, во-первых, – стихия, великая и сложная национал-историческая данность. И, во-вторых, революция – догма, умысел, заданность. Иначе говоря, революция тоже имеет и “большой разум”, и “малый разум”...». Можно согласиться с логикой Николая Устрялова: Есенин «был органически человеком революции... сам он неразрывен с Россией наших буйных и вещей лет». Поэтому во имя будущего революция навсегда усыновила Сергея Есенина. Он видел в революции оптимизм Голгофы: она провидит образ Спасителя сквозь муки и страдания. С.А. Есенин приближался к пониманию России как срединной державы. Идея среднего обусловила стремление страны выйти из всемирного побоища. Это даёт основание характеризовать русскую революцию как добро. Добро есть Бог. Эта мысль – ключевая в произведениях Есенина, созданных в течение десяти революционных месяцев. Если бы, предположим, демократическая революция была злом, то она не позволила бы себе роскоши быть побеждённой. Зло не бывает побеждённым, его существо – вечный человеческий эгоизм и жадность. Следует помнить и то, что зло не отделено ясно и отчётливо от добра, которое питает добродетель патриотизма. Издревле она имела, по мысли В.С. Соловьёва, религиозное значение, была «вотчиною Бога». Творение мира надо исследовать и исследовать не только душевно, но ясно осознавать свой долг перед Родиной и свои обязанности перед Отечеством. Вместе с Есениным я отвергаю «проклятую войну». Он писал: «Я бросил мою винтовку, / Купил себе “липу”, и вот / С такою-то подготовкой / Я встретил семнадцатый год...». По примеру своего отца Иосифа Ивановича, я вступил в ряды большевиков. Но, в отличие от него, испытываю невозможное: теперь поддерживаю Патриарха Тихона.

Есенин хорошо понимал, к какой революции он принадлежал: ни к Февралю, ни к Октябрю. Его душа и дух принадлежали Ноябрью, когда, как было сказано, свершались две фазы революции, два избрания особ: Патриарха и Законодателя. Принадлежать душевно – означало действие ума, чувств и воли. Духовная принадлежность выражалась в проявлениях совести, общения и интуиции. На блоковско-есенинский лад настроиться непросто, и всё-таки надо это сделать, ведь он – «музыка революции» и ставка на будущее.

Я понимаю Великую Российскую революцию по Бердяеву, Есенину и Струве. Она означала конец старой жизни при обанкротившейся династии Романовых. Эту катастрофу прозревал М.Ю. Лермонтов. Но 17-й год не был, разумеется, началом новой жизни, являя собою только грань

времен. Революция расплачивалась за смертный грех самодержавной власти. К возмездию привёл долгий путь – от казнённых декабристов до жертв Первой русской революции и мировой войны. «В революции искупаются грехи прошлого» (Н.А. Бердяев). Российская революция свидетельствует о том, что правители и властители не исполнили своего назначения. Даже император Александр III не счёл возможным последовать совету мудрейшего Вл. Соловьёва – простить убийц его отца. У одного из казнённых был брат Владимир Ульянов. С псевдонимом Ленин он стал жестоко мстить. Вождь пролетарской революции проложил дорогу к самодержавию большевизма. Тёмные инстинкты черни совершили ужасный суд над Церковью. Взглянуть на Россию сакральным образом было дано Андрею Белому, и он воскликнул: «Это – Воскресло!». Рефлексируя свои переживания, поэт-мыслитель опубликовал поэму «Христос воскрес», в которой содержится удивительная мысль: «Совершается Мировая Мистерия». Нам предстоит задуматься о «внутреннем ядре» всей революционной поэзии.

Крайности революции были для России молотом и наковальней. Её сын – Сергей Есенин – метался между Россией царской, уходящей, и «Русью советской», идущей от Империи к Советской Республике. Медианная революция Семнадцатого завершилась 6 января 18-го; она передала революционную эстафету многонациональной моноидеологической диктатуре. Всероссийская триада (государственность, гражданственность, духовность) восстановила традиционный персоноцентризм (князь, царь, император, генсек, президент). Заполняя опаснейший вакуум этих слов, прозорливый В.И. Ленин исполнил главную роль в революции 17-го, для чего стал действовать по образу и подобию Бога: «Да будет сотворено третье всемирное Бытие».

Интегральная филология пополняет свой лексикон словесами всех четырех фаз единой революции. Следующие за ними годы – это уже совсем другая история, включившая в себя идеолого-диктаторские словеса. Если в 1917 г. ведущая нить филологии в грани времен хорошо просматривалась, то в 1918–1991 гг. эта нить оказалась в тени официальной идеологии, господствовавшей в советском обществе. Российский патриотизм меняет прилагательное на «советский», монарх именуется Генсеком, русская нация закрывается интернационализмом, а христианская вера преобразуется в веру прихода коммунизма. Ясно одно: поэты являются не только творцами слова, но и прорицателями вызовов времени.

Медианный характер революции

Благодаря П.Б. Струве преодолевался водораздел между прошлым Россией и её будущим. В 1917 г. Пётр Бернгардович занимал пост директора экономического департамента при Временном правительстве. Его знали

как выдающегося политического литератора, который переключил своё внимание с марксизма на теорию демократических реформ, высоко оценил философские искания писателя А.И. Эртеля. Переживая определённую эволюцию своих взглядов, Пётр Струве двигался «слева» «направо» не в плоскости, а по вертикали. Выдающийся мыслитель отыскал путь к «золотой середине» России благодаря «подсказке» Александра Эртеля.

Формула «серединной России» была недостижимой для умов, погружённых в парадигму классовости и партийности. Не случайно в 17-м Струве не был ни «левым», ни «правым», а приверженцем формулы Д.И. Менделеева о «серединном царстве». Своей интеллектуальной позицией Струве был враждебен коллегам. Уважая последних, мыслитель российской медианности занял позицию беспартийности, рассматривая большевизм как мировую болезнь, мировое зло. Струве предсказал крах большевизма. По его мнению, России нужны прочно огражденная «свобода лица» и «сильная власть», а всё остальное, полагал он, приложится. Столетие спустя мы убеждаемся в правоте П.Б. Струве. Перед моими глазами отрывки из его сочинений на «злобу дня» современности. Речь идёт о достоверности познания им русской революции, о серединной её парадигме.

Три встречи с М.А. Суловым, олицетворением идеи Великого Октября, побудили меня серьёзно задуматься о витальности господствующей идеологии, которая победила в гражданской войне. Однако из её страшных картин мне стали видеться на расстоянии три главных месяца Великой революции, словно родные братья по имени Февраль, Октябрь и Ноябрь. Их надо знать не потому, что прошли, а потому, что ушедшее прошлое «не умело убрать своих последствий» (мысль В.О. Ключевского). Февраль продолжился в 90-е гг. XX в., прокладывая дорогу Ноябрью – словесности РПЦ и Федерального собрания РФ. Прав Осип Мандельштам: «И пращурь нам больше не страшны: / Они у нас в крови растворены». Гениальному творцу представлялся «синтетический поэт современности». Она называлась революцией, её синтетическим трагическим поэтом был сам О.Э. Мандельштам. Причиной революции он считал необходимость «рассыпать пшеницу по эфиру». Зачем же? И в 1921 г. обнарудовал ответ: «Классическая поэзия – поэзия революции» [6, с. 172].

Признавая величие классики, нельзя отрицать соответственно и величие российской общенациональной революции – 1917. Оно было предопределено религиозной природой русского народа, о которой исчерпывающе выскажется Н.А. Бердяев в работе «Новое средневековье». Русский народ таинственным образом создаёт серединную гуманистическую державу. Явно это проявилось в 1917 г., что позволяет нам говорить о медианном характере Великой революции. Её целью не могло быть правовое государство в европейском смысле этого слова. Существенным качеством русской революции британский классик Олдос

Хаксли считал её религиозность. Он хорошо разбирался в культуре России, с её знанием, прочитал «Двенадцать» Блока и в 1923 г. написал статью «Тематика поэзии» [10]. Он рассмотрел у Блока религиозность революции. Вслед за ним Хаксли посчитал, что русская революция имеет мессианский характер. Думаю, что это мессианство связано с влечением большевистского Октября к коммунистической утопии – к советскому варианту коллективизма. Она воплощалась в СССР в человеческую способность к общению. Ибо единым «общим знаменателем» русской словесности является абсолютное начало – человечность. Она и есть искомая медианная идея России, во имя которой С.А. Есениным была отдана жизнь. Этот «нерв великого народа» отреагировал на библейскую мудрость: «День дню передаёт речь, и ночь ночи открывает знание» (Псалом 18:3). И однажды ночью меня осенила мысль о том, что государственное потрясение 1917-го произошло из-за отсутствия обратной связи между императорской властью и народом. К концу 1916 г. до минимума снизилось взаимопонимание и доверие между двумя сторонами державности. В.И. Даль выразил их всего-навсего двумя словами. Их наглядная суть – правительство и народ. А за ними – невидимый Логос с сакральными требованиями.

Список литературы

1. *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. Божий избранник. М.: Алгоритм, 2013. 272 с.
2. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Кн. 2. Дневник писателя. М.: Астрель: АСТ, 2007. 528 с.
3. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). Т. 6. М.: Наука; Голос, 1999. 815 с.
4. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). Т. 7. Кн. 1. М.: Наука; Голос, 1999. 559 с.
5. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. 511 с.
6. *Мандельштам О.Э.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 464 с.
7. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М.: Московский рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.
8. *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, Изд. группа «Прогресс-Литера», 1994. 651 с.
9. *Патриарх Тихон.* Россия в проказе. М.: Лодья, 1998. 128 с.
10. *Huxley A.* Subject Matter of Poetry // *Huxley A.* Complete Essays. Vol. 1. London: Chatto and Windus, 1960. P. 92–95.

POLITICAL ANTHROPOLOGY

Petr SIMUSH

DSc in Philosophy, Professor, Senior research fellow in the Department of philosophy of culture.

RAS Institute of Philosophy, St Goncharnaya. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;

e-mail: simush@inbox.ru

RUSSIAN LITERATURE – 1917: IN SEARCH OF COMMON DENOMINATOR

The conception, suggested to the author by Velimir Khlebnikov, consider the Great Revolution as “equality of worlds” and “unity of people and things”. These comparisons of genius are described by V. Khlebnikov as the “common denominator”. The revolutionary events rose to their tops: the election of the Patriarch of the Russian Orthodox Church and of members of the legislature. National communicative revolution, which for decades was prepared by the struggle for the liberation of Russia from the “mute” state, includes the four phases of the revolution, which make up a whole – a national revolution. Its actuality is the subject of the proposed study.

Choosing a methodological position, the author took the guidelines in the poetics of the Silver age, applying the tetrad philological projecting through the prism of history, philosophy, religion and politics

The search for “common denominator” of revolutionary events led to the phenomenon of humanity and the principle of humanism. The revolution of 1917 can be defined with adjectives – civilizational and humanistic. At a distance of century, “big picture” is seen as consolidation of the country for the ending of the war. Sovereign coup at the beginning of 1918 terminates.

Keywords: mute Russia, «twice»-revolutionary November, the Council of the Orthodox Church, the Patriarch, the subjectivity of the Constituent Assembly, civilizational revolution, medianity, humanism

References

1. Dostoevsky, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 9/2. Moscow: Astrel' Publ., 2007. 523 pp. (In Russian)
2. Esenin, S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 6. Moscow: Nauka Publ., 1999. 815 pp. (In Russian)
3. Esenin, S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 7/1. Moscow: Nauka Publ., 1999. 559 pp. (In Russian)
4. Huxley, A. "Subject-Matter of Poetry", in.: A. Huxley, *Complete Essays*, Vol. 1. London: Chatto and Windus, 1960, pp. 92–95.
5. Mandel'shtam, O. *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 464 pp. (In Russian)
6. Patriarkh Tikhon. *Rossiya v prokaze* [Russia in Mischief]. Moscow: Lod'ya Publ., 1998. 128 pp. (In Russian)
7. S.A. *Esenin v vospominaniyakh sovremennikov* [S.A. Esenin in Memoirs of Contemporaries], Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 511 pp. (In Russian)
8. Sorokin, P. *Dal'naya doroga: Avtobiografiya* [A Long Way: An Autobiography]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1992. 303 pp. (In Russian)
9. Stepun, F. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and unfulfilled]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., Progress–Litera Publ., 1994. 651 pp. (In Russian)
10. Vostryshch, M. *Patriarkh Tikhon. Bozhii izbrannik* [Patriarch Tikhon. Chosen by God]. Moscow: Algoritm Publ., 2013. 272 pp. (In Russian)